

УДК 94 (471.66): 321.019.5

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЧЕЧНЕ В КОНЦЕ 1994 г. ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Тумаков Д. В.

Статья посвящена описанию первых недель чеченской войны 1994–1996 гг. в изложении крупнейших российских периодических изданий. Освещаются стычки между российскими войсками и чеченскими боевиками, а также повседневная жизнь в Грозном в это время. Уделено внимание морально-психологическому состоянию Вооруженных Сил России на чеченском фронте. Автором сделаны выводы о всестороннем подходе центральных масс-медиа к освещению военных действий, а также о сложных взаимоотношениях журналистов и российских военнослужащих. Итогом стало поражение федеральных войск в информационной войне.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Чечня, первая чеченская война, Россия, боевые действия, пресса, сепаратизм, армия.

Вооруженное противостояние федерального Центра с отрядами чеченских сепаратистов в 1994–1996 гг., официальное именовавшееся «операцией по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике», а среди широкой общественности известное как «первая чеченская война», стало первым в отечественной истории конфликтом, получившим всемерное информационное освещение. Репортажи из мятежной Чечни в те годы выходили на первых полосах практически всех крупных периодических изданий России. Однако исследовательский интерес к операции в Чечне часто ограничивается боевыми действиями в Грозном, в то время как ввод Объединенной группировки войск (ОГВ) в республику и первые стычки российских военных с незаконными вооруженными формированиями (НВФ) зачастую игнорируются. Именно этому аспекту чеченской проблематики и посвящено настоящее исследование.

Корреспонденты ведущих российских и мировых СМИ впервые массово прибыли в Чечню именно в конце 1994 г., после неудачной силовой попытки местной оппозиции при поддержке Центра свергнуть режим генерала Д. М. Дудаева. Хотя аэропорт Грозного уже не принимал самолеты, представители прессы могли сравнительно легко попасть в новую «горячую точку» через соседние республики Северного Кавказа [22, с. 7; 23]. Оставленные ими описания жизни в городе выглядели глубоко трагичными. Журналисту польского издания *Życie Warszawy* Я. Ружджинскому Грозный напомнил «страшный, догорающий город из научно-фантастического романа» [31, с. 8]. В том же ключе из Чечни писали в те дни и многие российские журналисты. В частности, неза-

долго до ввода в республику федеральных войск агентство «Интерфакс» передавало, что в результате военных действий 26 ноября в Грозном перестало функционировать центральное отопление. Во многих кварталах города исчезло горячее и холодное водоснабжение, возникли трудности с подачей газа и электричества в жилые дома. Даже в президентском дворце выбитые окна пытались закрыть целлофановой пленкой, слабо защищавшей от холода. При этом вода из поврежденных водопроводных труб вылилась на улицы и замерзла, что создавало серьезные препятствия для движения автотранспорта [35].

О крахе коммунальных служб и инфраструктуры Грозного в конце 1994 г. сообщали и другие печатные источники. Специальный корреспондент столичной газеты «Труд» В. Натыкин утверждал, что к концу первой декады декабря чеченская столица была завалена черным снегом, который в течение длительного времени не убирался. Из-за отсутствия электроэнергии и обледенения рельсов в Грозном перестали работать трамваи, некоторые многоэтажные дома на въезде в город были повреждены снарядами во время боев, а средние общеобразовательные школы полностью перестали работать [24]. О городских дорогах, похожих на ледовые каменоломни, и «промерзших» коридорах президентского дворца в Грозном писал в те дни и корреспондент еженедельного журнала «Новое время» В. П. Дубнов [12, с. 11].

После ввода в Чечню федеральных сил 11 декабря 1994 г. положение в Грозном, который быстро стал прифронтовым городом, продолжало ухудшаться. Посетивший чеченскую столицу 22–24 декабря фотокорреспондент агентства ИТАР-ТАСС А. Морковкин

утверждал, что в четырехэтажной гостинице «Грознефти» в те дни жили только он и его коллега А. Е. Немёнов. В городе по-прежнему не работали жизненно важные коммуникации, а температура в помещении не превышала –3 градуса по Цельсию, поэтому спать им приходилось в верхней одежде. Для освещения использовались керосиновые лампы. Помимо холода и других бытовых неудобств, отдых журналистов мешали частые бомбардировки города со стороны ВВС России. Их результаты Морковкин и Немёнов лично видели во 2-м микрорайоне Грозного, где ракетными ударами были уничтожены многоэтажные жилые дома и свыше 10 легковых автомашин. В центре города, по утверждению Морковкина, «полыхал целый квартал», то есть здания госбанка, универмага «Детский мир» и два жилых дома. При этом у местных пожарных быстро закончилась вода, потому потушить огонь они не смогли [22, с. 8]. Российская штурмовая авиация атаковала с недостижимой для ПВО сепаратистов высоты и не имела потерь.

Об общем числе жертв среди гражданского населения столицы Чечни автор публикации в журнале «Эхо планеты» не знал, но упомянул факт гибели фоторепортера из США С. Эльбаум и утверждал о гибели за время чеченской операции в общей сложности 3 и ранении 5 представителей прессы [22, с. 9]. Похожие оценки обстановки в городе присутствовали и в статье журналиста столичного журнала «Огонек» В. Персиянова. По его данным, 21 декабря авиация ОГВ сбросила восемь бомб в районе Нефтяного института Грозного, в результате чего погибли 15 мирных жителей города, а на следующий день во время «беспорядочной бомбардировки» микрорайона Минутка по ошибке были уничтожены жилой дом и не менее восьми легковых автомашин. Боевики при этом понесли минимальные потери. Виновниками жертв среди гражданского населения он считал дудаевцев, размещавших зенитные орудия на крышах жилых домов и стрелявших оттуда по российским самолетам [28, с. 7]. Находившийся в столице Чечни корреспондент «Комсомольской правды» А. Евтушенко также утверждал об интенсивных авиаударах по Грозному: лишь в ночь на 22 декабря в течение двух часов на город было сброшено до 60 бомб [14].

Примечательно, что подобные характеристики СМИ полностью разделялись непосредственными очевидцами событий из числа представителей тогдашней российской политической элиты. Так, депутат Государствен-

ной думы РФ от фракции «ЯБЛОКО» В. В. Борщёв в телефонном интервью «Литературной газете» из Грозного утверждал о массовой воздушной бомбардировке чеченской столицы 22 декабря. Ракетно-бомбовые удары по городу наносились через каждые 5–10 минут, позднее на перекрестке улицы Горина и проспекта Кирова народный избранник насчитал свыше 70 полностью или частично разрушенных жилых домов, 10 уничтоженных автомобилей и 12 погибших мирных жителей. Еще 8 человек, получивших ранения во время налета авиации, позднее скончались в местной больнице, среди них были дети. Борщёв полагал целью атак ВВС России те районы Грозного, где ранее располагались военные казармы, однако утверждал, что эти здания уже давно пустовали [7].

В аналогичной беседе с редакцией столичной газеты «Труд» находившийся в Грозном Уполномоченный по правам человека в РФ, председатель Комиссии по правам человека при Президенте РФ С. А. Ковалёв опровергал информацию командования ОГВ об уничтожении укреплений и бронетехники сепаратистов и утверждал о постоянных бомбардировках жилых кварталов города российской авиацией. В частности, в ночь на 20 декабря при воздушной атаке на здание Департамента государственной безопасности непризнанной Ичкерии пострадали также Нефтяной институт и 20 жилых домов, расположенные поблизости. По данным Ковалёва, с 26 ноября по 19 декабря в столице Чечни и ее пригородах погибли в общей сложности 42 и были ранены 352 человека. При этом, как считал он, в действительности число жертв могло быть значительно больше, поскольку мусульмане-чеченцы хоронили погибших быстро, без доставки тел в морг [17]. Депутат Государственной Думы от фракции КПРФ Л. Н. Петровский также заявил, что за трое суток пребывания в Грозном видел только трупы гражданских лиц, а не боевиков. Его коллега из фракции «Выбор России» М. М. Молоствов по степени трагизма даже сравнивал налеты на столицу Чечни с бомбардировками советских городов нацистами в годы Великой Отечественной войны, но полагал, что нередкие ошибки российских летчиков не были преднамеренными, а объяснялись сильным туманом и плохой видимостью [17].

Масс-медиа освещали и сам ход боевых действий на подступах к Грозному. Иностранные издания стремились при этом подчеркнуть явное превосходство российской

стороны в живой силе и технике. 15 декабря 1994 г. на первой странице номера столичных «Известий» была опубликована фотография репортера агентства Reuters Ш. Рэмзи, героями которой были два чеченца в гражданской одежде и с ручными гранатами, которые пытались переждать артиллерийский обстрел российской армии под бетонным перекрытием моста по дороге на Грозный, чтобы затем вступить в бой с военными. Газета сообщала, что это событие имело место 13 декабря в 5 км от административной границы Чечни. Вышеупомянутый польский журналист Я. Руждзинский при сопоставлении военного потенциала обеих сторон писал о бесконечных колоннах техники ОГВ и вооруженных чем попало чеченцах [32, с. 38–39], сделав вывод о том, что российская армия обладает 10-кратным перевесом в живой силе [31, с. 9]. Но сепаратисты оказали серьезное противодействие федеральным силам. Работавшие в Грозном корреспонденты ведущих зарубежных изданий сообщали о тяжелых боях с применением стрелкового оружия, танков, артиллерии и авиации у станиц Первомайская и Ассиновская, селения Давыденко и райцентра Ачхой-Мартан, а также об атаках вертолетов ОГВ на станицу Серноводскую или на отдельные машины на дорогах республики. Иногда из автомобилей или кабин тракторов сепаратисты вели ответный огонь по авиации федеральных сил из пулеметов [16, с. 292–293; 31, с. 9].

Российские журналисты в декабре 1994 г. также были свидетелями активных боевых действий в западных районах мятежной республики, причем чаще они находились на позициях сепаратистов, которых в публикациях того времени обычно именовали «ополченцами». Так, специальный корреспондент «Известий» Н. Гритчин в репортаже с чеченского поста у села Алхан-Юрт сообщал о звуках близкой артиллерийской канонады, а также об обстрелах федеральной автотрассы Ростов-Баку и леса у села Шаами-юрт российской авиацией и САУ. Из его подробной статьи следовало, что большую часть воюющих чеченцев составляют не кадровые военные, а обычные мирные жители, взявшиеся за оружие после ввода федеральных войск на территорию республики. Местные активисты создавали вооруженный отряд и дежурили на окраинах населенных пунктов, а односельчанки регулярно обеспечивали их горячей пищей на позиции. Уроженцев других сел Чечни в таких группах было мало [9]. Упомянутый выше журналист ИТАР-ТАСС

Морковкин 23 декабря 1994 г. тоже был свидетелем столкновения сепаратистов с войсками у города Аргун и снимал, как раненых и тела погибших боевиков выносят из-под танкового обстрела и вывозят на попутных автомобилях. Водители редко отказывали боевикам в подобных просьбах [22, с. 8].

Как и их иностранные коллеги, многие журналисты центральных СМИ подробно описывали эклектичное и подчас раритетное вооружение противников российской армии. К примеру, житель селения Закан-Юрт С. А. Сулейманов продемонстрировал корреспонденту Гритчину знаменитую винтовку-трехлинейку, которую его дед якобы добыл в бою еще в 1917 г. [9]. В другом репортаже тот же автор утверждал, что около половины взрослых бойцов, прибывших из сельской местности на защиту Грозного, совсем не имели оружия, а другие были оснащены не только современным стрелковым вооружением, но и самодельными автоматами, охотничьими двустволками и карабинами. Неудивительно, что разъяренная толпа сторонников Д. М. Дудаева в декабре 1994 г. безуспешно требовала от силовых структур самопровозглашенной Ичкерии выдать им настоящее боевое оружие [8]. Любопытно, что даже незадолго до штурма Грозного, по данным из чеченских источников, некоторые из сепаратистов использовали в столкновениях с российскими военными антикварные винтовки Маузера [23]. При этом приобретение оружия в осажденном городе не представляло сложности: как передавали журналисты «Известий», на уличных рынках граната Ф-1 стоила 30 тысяч рублей, цена на автомат Калашникова колебалась в пределах 500–600 тысяч, а стоимость гранатомета доходила до 1 млн рублей [23].

В Грозном и Ачхой-Мартане среди боевиков представителями масс-медиа были замечены даже чеченские подростки 12–14 лет, чье вооружение состояло из бутылок с зажигательной смесью. Как передавал фотокорреспондент Морковкин, больше всего они мечтали получить автомат [22, с. 8]. Как правило, эти люди не участвовали в бою, а лишь подносили патроны взрослым боевикам [8]. Журналист «Труда» Натякин писал также, что чеченские мальчишки ставили противотанковые мины в подворотнях улиц, от них через дорогу протягивали проволоку. Когда танки ОГВ подъезжали ближе, несовершеннолетние боевики подтаскивали мину под гусеницы и подрывали ее [24]. Все эти факты

демонстрировали единство чеченцев перед лицом военной угрозы со стороны Центра.

Уже в первых столкновениях с регулярной армией сепаратисты понесли заметный урон. Как писал Гритчин, «хирурги грозненского госпиталя работают не покладая рук»: всего за полчаса его пребывания в данном лечебном учреждении туда привезли 6 раненых из станицы Первомайская. Среди пострадавших оказались его коллеги с республиканского телевидения Г. Часыгов и А. Межидов. Все они попали под ракетный обстрел российской штурмовой авиации в тот момент, когда привезли продовольствие и медикаменты жителям полуразрушенной в ходе боев станицы [9]. Его утверждение о больших потерях НВФ вполне согласуется со свидетельствами российских военных, сражавшихся в Чечне. Так, Герой России полковник Р. М. Клупов вспоминал, что в бою у населенного пункта Первомайское у подножия Терского хребта его рота разгромила чеченский отряд из 100 бойцов, усиленный танками и противотанковыми орудиями. У военных получил ранение один человек, а один танк был поврежден, но позднее отремонтирован и возвращен в строй. Потери сепаратистов оказались намного выше. Хотя точных данных в воспоминаниях Клупова не приводится, по словам офицера, «боевики, кто смог, разбежались, а кто не смог – так и остались там, где их настиг смертоносный металл». Также в бою были подбиты танк и два орудия НВФ [11]. Примечательно, что и квалификацию противника Клупов оценил низко, так как дудаевский отряд прибыл на грузовом автотранспорте и разгружался на виду у бойцов 131-й Майкопской бригады. В такой ситуации, как вспоминал мемуарист, военнослужащим «даже стрелять было как-то совестно – как будто по безоружным» [11].

В условиях столь явного технического превосходства федеральных сил аргументами чеченцев могли стать лишь отчаянная решимость и высокий боевой дух. О проявлениях ими этих качеств часто писали «Известия». Так, полевой командир И. Асхабов, чей отряд занимал позиции у въезда в Грозный, утверждал, что готов не только остановить, но и уничтожить российские танковые колонны у столицы республики, а боевик С.-М. Дубаев из Алхан-Юрта утверждал, что «встретит смерть как невесту» [9]. Пополнению рядов сепаратистов способствовали частые ошибки федеральных сил, приводившие к жертвам и пострадавшим среди гражданского населения республики. Так, получивший ранение в плечо при обстреле его автомобиля с верто-

лета заведующий мастерской госхоза имени XX партсъезда Р. Газимагоматов обещал журналисту «Известий», что после выздоровления обязательно вступит «в ряды защитников Грозного» [10]. Аналогичное желание высказал водитель И. Хазаев, лишившийся левой руки в результате ошибочного обстрела российских войск [13]. Их примеры оказались далеко не единственными: вечером 17 декабря специальный корреспондент «Известий» наблюдал в столице республики «бесконечную вереницу машин с вооруженными людьми», то есть приехавшими на защиту города жителями чеченских селений [10].

Публикации из мест дислокации федеральных сил также встречались на страницах крупнейших столичных СМИ. Авторами таких репортажей чаще выступали военные журналисты, однако их тональность тоже была тревожной. В частности, журналисты «Известий» Н. В. Бурбыга и В. Б. Белых, проделавшие вместе с колонной бронетехники федеральных сил долгий путь по Надтеречному району Чечни, сообщали, что реакция местного населения на их появление оказалась весьма противоречивой. При этом напомним, что речь шла о наиболее лояльном по отношению к федеральному Центру регионе мятежной республики. На гребне Терского хребта корреспонденты наблюдали базовый лагерь ВВ МВД РФ, в котором под охраной бронетехники располагались десятки бензовозов, грузовиков с различными припасами и ремонтных «летучек». Неподалеку располагалась цепь САУ, державших под прицелом пригороды Грозного. На передовых позициях ОГВ соблюдалась жесткая светомаскировка: солдатам было запрещено разводить костры, включать фары машин или пользоваться фонарями. В боевом охранении одновременно находились примерно две трети бойцов, отражавших регулярные нападения дудаевцев. Чтобы не попасть под обстрел противника, военные даже в условиях холода и бытовых неудобств не ставили палаток, ночевали в авто- и бронетехнике и часто меняли место расположения. Несмотря на это, ВВ не испытывали серьезных продовольственных трудностей [5].

Кроме описания жизни тыловых частей, военные корреспонденты давали подробный рассказ и о действиях авангарда федеральных сил. Несмотря на мороз и обстрел реактивной артиллерии сепаратистов, по пояс в ледяной воде, войска под командованием начальника инженерных войск СКВО генерал-майора С. А. Тертышникова смогли

быстро построить понтонную переправу через Терек. Прежний мост боевики успели взорвать, но ВВ МВД после форсирования реки создали плацдарм у станицы Червленая. Как утверждали Бурбыга и Белых, позиции оперативно-тактической группы сил МВД были усилены бронетехникой и зенитными установками, за короткое время созданы огневые точки, ходы сообщения, блиндажи, окопы в полный рост и даже минные поля [5]. Подобные факты лишь укрепляли читателей и подписчиков «Известий» в том, что в Чечне идет полномасштабная война, а не полицейская акция по восстановлению правопорядка и законности.

Еще более значимым аргументом в пользу такого восприятия операции на Северном Кавказе мог служить приведенный в статье рассказ командира ВВ МВД о провале диалога с местными старейшинами и ночной атаке крупного отряда боевиков. По словам российского офицера, противник прибыл на автотранспорте и атаковал позиции военных в течение трех часов, причем решающую роль в отражении нападения сыграла артиллерия. Однако и в последующие ночи чеченцы регулярно обстреливали плацдарм и пытались его уничтожить [5]. Очень точно тактику действий НВФ в беседе с московским журналистом объяснил чеченец Ш. Бисултанов – пенсионер-инвалид, отец пяти детей, чей старший сын сражался на передовой: «Ночь для нас (боевиков – *Авт.*) самое удобное время действовать. С вертолета нас не заметят и не расстреляют. Поэтому с наступлением темноты окрестные поля заполняются бойцами, которые направляются к российским позициям» [9]. Офицеры ОГВ также всерьез опасались мести чеченцев своим родным, поскольку о телефонных угрозах такого рода, равно как и о распространенных в Чечне слухах о подготовке новой депортации или массовых изнасилованиях местных женщин военными, писали ведущие столичные издания. Дудаевская пропаганда активно высказывала подобные мысли [3].

Важным аспектом в публикациях центральных СМИ из Чечни в декабре 1994 г. был анализ морально-психологического состояния Вооруженных Сил РФ, составлявших ядро ОГВ. Это было неудивительно, так как первые столкновения с сепаратистами привели к существенным потерям федеральных войск. Для получения информации журналисты пытались интервьюировать как самих военных, так и всех ответственных лиц, побывавших в зоне «операции по восстановлению конституционной законности». Например,

председатель Комитета по организации работы Государственной Думы, член фракции «Выбор России» В. А. Бауэр в интервью «Литературной газете» высказал убежденность, что военнослужащие ОГВ, равно как и представители властных органов или мирное население Северного Кавказа, выступают «исключительно за мирное разрешение проблемы, за использование до конца возможностей переговоров». Депутат полагал также, что армия не понимает целей силовой операции в Чечне, так как отрезана от объективной информации о положении дел. Такое стало возможным в силу того, что институт политических работников в Вооруженных Силах РФ уже был ликвидирован, а командиры не могли внятно объяснить солдатам причину их пребывания на Северном Кавказе. В силу этого, заключал Бауэр, были возможны рост социальных аномалий в армейских рядах или насилия по отношению к гражданскому населению Чечни со стороны военных [33].

К аналогичному выводу после беседы с вернувшимися из новой «горячей точки» российскими авиаторами пришел и известный военный журналист О. М. Блоцкий. Диалог произошел вечером 24 декабря в буфете гостиницы Ростова-на-Дону. Анонимные вертолетчики утверждали, что обстановка в Чечне сложнее, чем в Афганистане, так как «не поймешь, где свои, где чужие». Позицию местного населения они охарактеризовали лаконичной фразой «днем друзья, а ночью стреляют». Военные единодушно считали, что их противник воюет нечестно, в частности, прикрывается мирными жителями республики или создает огневые точки в населенных пунктах, у жилых домов и школ. В силу этого армия не могла полностью использовать огневую мощь против дудаевцев и несла неоправданные потери. Как утверждали собеседники Блоцкого, за пять дней военных действий были потеряны 2 экипажа, поэтому пилоты были противниками операции в Чечне и считали, что она затянется. Идентичной точки зрения придерживались и российские мотострелки, встреченные им на базе федеральных войск в Моздоке [4]. Специальный корреспондент «Комсомольской правды» А. Хохлов, тесно общавшийся с офицерами группировки ВДВ и ВВ МВД РФ на Северном Кавказе, также утверждал, что его собеседники выступают против сугубо военных методов решения чеченского кризиса. При этом они единогласно поддерживали официальный тезис о территориальном единстве страны, опасаясь, что, в случае отделения

Чечни, аналогичные тенденции могут возникнуть и в остальных национальных республиках, но отдавали приоритет диалогу с Дудаевым [36].

Журналисты центральных масс-медиа, не имевшие возможности общаться с участниками чеченской операции непосредственно на фронте, прибегали к телефонной связи с базой ОГВ в Моздоке. Такого рода опросы были достаточно информативны. Анонимный офицер-танкист в беседе с обозревателем популярного еженедельника «Аргументы и факты» А. Прасоловым утверждал, что «армию в очередной раз подставляют, чтобы прикрыть грехи политиков», поэтому охарактеризовал моральное состояние войск в Чечне как подавленное. Главной причиной столь неутешительного положения являлась резко враждебная реакция на ввод федеральных сил со стороны значительной части населения республики. Как следствие, российский офицер предупреждал о возможных в скором будущем кровавых эксцессах во взаимоотношениях армии с простыми чеченцами, так как войска «огнем будут поливать все, что движется». По его информации, военнослужащие не ремонтировали вышедшую из строя или подбитую технику, а лишь оттащивали ее на обочину дорог. Более того, танкист считал, что командование группировки даже не решится на штурм Грозного, поскольку в его распоряжении находятся малочисленные подразделения разных министерств и ведомств, взаимодействие между которыми налажено слабо [29].

В другом репортаже того же периодического издания критиковалась «подкупающая спартанская простота», то есть крайне неблагоустроенный быт ОГВ в Чечне. Хотя армия располагала в общей сложности 58 походными лагерями (брезентовые утепленные палатки, помещения для складирования военного имущества, боеприпасов и т. д.), на территории мятежной республики таких было мало. В силу этого российские солдаты, как писал со ссылкой на «утверждения информированных военных» обозреватель «АиФ», были вынуждены ночевать в пустующих зданиях, вырытых землянках или бронетехнике, а также договаривались о постое с местной администрацией. Провизией и медикаментами бойцы были обеспечены по обычному штату, в расчете на месяц. Питание по высшему разряду получали пилоты, которым полагались к выдаче даже молоко и шоколад, затем шли подразделения Воздушно-десантных и

Сухопутных войск, а хуже всех снабжались части ВВ МВД России [30].

Такая ситуация не способствовала росту боевого духа ОГВ, поэтому автор статьи не скрывал, что единственным мотивом российских военнослужащих могли стать крупные финансовые выплаты. По неофициальным данным, ежемесячная зарплата армейского офицера в новой «горячей точке» достигала 1 млн рублей, солдата контрактной службы – от 500 до 600 тысяч, а у «срочника» не превышала 100 тысяч. К успехам военного ведомства при организации операции в Чечне журналист Прасолов отнес хорошее снабжение ОГВ боеприпасами, переброшенными из тыловых округов [30]. Другой известный военный обозреватель, многолетний ведущий телепередачи «Аты-баты» И. Серебряков, на страницах «АиФ» выражал удивление тем, «как быстро и четко Павел Грачев сумел собрать вокруг Чечни так много войск» [29]. В Моздоке в те дни был развернут большой военный лагерь, где располагались сведенные в единый центр 4 командных пункта, госпиталь более чем на 100 коек с двумя операционными и склады [30].

Об антивоенном настроении населения приграничных с мятежной Чечней районов Ставропольского края, Дагестана, Северной Осетии и Ингушетии сообщала специальный корреспондент «Литературной газеты» Л. И. Леонтьева. Накануне нового 1995 г. она обвиняла российские власти в сокрытии информации о жертвах среди военнослужащих и мирного населения, при этом называя имена погибших в первые дни операции в Чечне двух бойцов 21-й Ставропольской воздушно-десантной бригады. Хотя стычки ОГВ с дудаевскими боевиками происходили ежедневно, журналистка все еще надеялась на политическое урегулирование кризиса, так как видела «небывалый по масштабу, пропитавший все слои общества антивоенный настрой» [21]. В подтверждение своих слов Леонтьева приводила собственные наблюдения о тяжелом морально-психологическом состоянии армии, неприязни младших офицеров и рядовых солдат к командованию группировки и военно-политическому руководству России. Писала она и о серьезном антивоенном протесте многонационального населения дагестанского райцентра Хасавюрт, жители которого выстроились в цепь вдоль автотрассы с плакатом «Россия, помнись!» [21].

Наиболее последовательными противниками военного решения конфликта в Чечне, как следовало из публикаций СМИ,

стали жители родственной ей Ингушетии. Специальный корреспондент «Труда» Ф. Емченко, побывавший в республике накануне начала военных действий, упоминал о тревожной обстановке и антироссийских настроениях среди ее жителей. Ингуши обвиняли федеральный Центр в помощи осетинам во время вспышки межэтнического конфликта осени 1992 г., упрекали его в тяжелых условиях жизни беженцев из Пригородного района и напоминали о трагической депортации вайнахов в 1944 г. Население райцентра Карабулак 9-10 декабря из-за предчувствия скорого ввода федеральных сил в Чечню было крайне возбуждено и даже вечером не желало расходиться по домам. Делегаты Съезда репрессированных народов Кавказа в Назрани не только критиковали Центр в невыполнении закона 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», но и выражали надежду на политическое урегулирование взаимоотношений между Москвой и официальным Грозным. Даже женщины в общении с журналистом столичной газеты обещали «вместе с детьми лечь под гусеницы» танков ОГВ и не пустить военных в Чечню «убивать наших братьев». В целом Ингушетия напомнила Емченко растревоженный улей: на главных дорогах были заготовлены бетонные блоки для перекрытия движения на Грозный, дежурили патрули из местных жителей. Словно в подтверждение готовности ингушей стоять до конца, невзирая на человеческие жертвы, корреспондент писал о захоронении на кладбище близ Назрани до 300 их соплеменников – жертв осетино-ингушского конфликта [15].

Тем не менее, 11 декабря российские войска выдвинулись в Чечню с запада именно через территорию Ингушетии, где столкнулись с яростным противодействием жителей. В репортаже «Литературной газеты» специальный корреспондент Леонтьева утверждала, что «видела беспощадную, тяжелую поступь войны», в результате которой еще на подступах к Чечне российская армия понесла существенные потери. В течение 11-12 декабря народная толпа сдерживала продвижение танковых колонн ОГВ на федеральной автотрассе Ростов-Баку. Корреспондент обвиняла федеральную армию в неспровоцированной стрельбе по безоружным жителям Ингушетии с применением ракетно-артиллерийского вооружения, в результате чего имели место человеческие жертвы, разрушения жилого сектора и культурных сооружений в селах [20]. Оговоримся, что ее точку зрения не разделяли непосред-

ственные очевидцы событий из числа российских военных различного ранга. Уже названный в репортаже «АиФ» офицер-танкист со ссылкой на сослуживцев однозначно утверждал, что ингуши стреляли в бойцов ОГВ и сожгли несколько машин [28]. О массовом, хотя и не вооруженном, сопротивлении населения Ингушетии, включая женщин и подростков, спустя четверть века вспоминал и рядовой 693-го гвардейского мотострелкового полка В. Лошаков [18, с. 18–22]. Только по официальным данным, в Ингушетии «в результате бесчинства местного населения» было полностью или частично утрачено 68 единиц вооружения и военной техники [2, с. 97].

Тем не менее, после начала операции в Чечне к кавказской политике Кремля были критично настроены даже представители номенклатуры Ингушетии. Так, бывший председатель народного суда Сунженского района П. Модебадзе в беседе с Леонтьевой обвинял командование ОГВ в «полнейшей бездарности» из-за утраты большого количества боевой техники на территории Ингушетии. Оговоримся, что этот человек в целом поддерживал решение Президента РФ о наведении правопорядка в Чечне, но критиковал армию за его неудачное исполнение. По мнению Модебадзе, ингуши оценивали действия военных не иначе как «российскую акцию устрашения». Для политических реалий середины 1990-х гг. было весьма показательно, что некоторые ингушские чиновники в интервью с корреспондентом «Литературки» назвали силовые действия демократически избранных властей новой России на Северном Кавказе «типичным большевистским разрешением проблемы» [20].

Подводя итог, отметим, что операция в Чечне в декабре 1994 г. довольно подробно и в основном информативно освещалась в российской центральной печати. Журналисты ежедневно сообщали о ходе боевых действий, причем имея возможность для работы по обе стороны фронта, рассказывали о трагедии мирного населения республики, а также предоставляли возможность для выражения собственной точки зрения как российским военным, так и чеченским боевикам. В репортажах с Кавказа крупнейшие центральные СМИ в целом старались избегать оценочных суждений, но их взаимоотношения с двумя сторонами конфликта в это время складывались по-разному. Сепаратисты разрешали московским журналистам свободно перемещаться по всей территории Чечни, оперативно передавали свежую ин-

формацию с места боев, подсказывали безопасную дорогу до того или иного населенного пункта, а в личном общении не скрывали своих имен, фамилий и даже места жительства [10; 26]. В результате из публикаций крупнейших столичных газет и журналов складывалось ощущение начала новой Кавказской войны. Добавим к этому, что в 1994 г. в глазах не только СМИ, но и основной массы российских военнослужащих чеченские боевики выглядели еще не врагами, а обманутыми соотечественниками и не вызывали ненависти [34, с. 596].

В то же время федеральные силовики в публикациях российской прессы практически всегда были анонимны. Военные не только редко делились со СМИ важными сведениями или категорически запрещали беседовать с врачами или ранеными в госпиталях и фотографировать различные объекты, но даже ксерокопировали написанные журналистами тексты и регулярно обвиняли их в сознательном завышении военных потерь [25, 37]. Корреспонденты ряда крупных столичных изданий находились на базе в Моздоке и тщетно ожидали попадания на передовую, исключение для них делало лишь командование ВВ [6, 25]. В итоге на первых

полосах некоторых масс-медиа прозвучали обвинения в том, что «нам то и дело не дают сказать правду» [26], адресованные федеральной армии, или предположения, что военно-политическое руководство России хочет «гнуть журналистов в бараний рог и гнать отовсюду» [27]. Российский военный журналист полковник Г. Т. Алёхин позднее объяснял данные факты «тенденцией негативного отношения к армии» в некоторых изданиях и утратой доверия к прессе в целом со стороны генералитета и офицерства [1, с. 122].

Итогом таких взаимоотношений журналистов и печати стало поражение федерального Центра в информационном противостоянии с чеченскими сепаратистами, которое министр внутренних дел РФ генерал армии А. С. Куликов в августе 1996 г. охарактеризовал печально известной фразой о том, что «чеченец Мовлади Удугов в одиночку переиграл весь пропагандистский аппарат Российской Федерации» [19, с. 292]. Фундамент этой неудачи был заложен именно в первые недели боевых действий в Чечне, когда в глазах общественности сепаратисты казались защитниками родной земли, а сама операция – странной войной с непонятными целями [23].

Список источников и литературы

1. Алёхин, Г. Т. По ту сторону чеченской войны / Г. Т. Алёхин. – Москва: Вече, 2017. – 304 с.
2. Асташкин, Н. С. По волчьему следу. Хроники чеченских войн / Н. С. Асташкин. – Москва: Вече, 2005. – 416 с.
3. Белых, В. Войскам мешают боевики и плохая погода / В. Белых, Н. Бурбыга // Известия. – 1994. – 21 декабря.
4. Блоцкий, О. На войне как на войне / О. Блоцкий. // Литературная газета. – 1994. – 28 декабря.
5. Бурбыга, Н., Белых, В. Грозный в танковых прицелах / Н. Бурбыга, В. Белых. // Известия. – 1994. – 20 декабря.
6. Веленгурин, В. Идет чеченская война / В. Веленгурин, Д. Бабич. // Комсомольская правда. – 1994. – 16–19 декабря.
7. 80-летняя старушка как стратегический объект // Литературная газета. – 1994. – 28 декабря.
8. Гритчин, Н. Грозный собирает все, что может стрелять и взрываться / Н. Гритчин. // Известия. – 1994. – 15 декабря.
9. Гритчин, Н. Грозное небо / Н. Гритчин. // Известия. – 1994. – 16 декабря.
10. Гритчин, Н. Когда истекал срок ультиматума / Н. Гритчин // Известия. – 1994. – 20 декабря.
11. Грозный. Новогодний штурм от первого лица // Новая газета. – 2022. – 12 января.
12. Дубнов, В. Цену мира спроси у пленных... / В. Дубнов // Новое время. – 1994. - № 50. С. 11.
13. Евтушенко, А. Последние надежды раздавлены танками / А. Евтушенко // Комсомольская правда. – 1994. – 20 декабря.
14. Евтушенко, А. Бомбежка Грозного: прелюдия к штурму? / А. Евтушенко // Комсомольская правда. – 1994. – 23–26 декабря.
15. Емченко, Ф. Ждали третий день... / Ф. Емченко // Труд. – 1994. – 14 декабря.
16. Зарахович, Ю. Чеченская война глазами журналистов американских изданий (1993–1996 гг.) / Ю. Зарахович // Чечня и Россия: общества и государства. – Москва: «Полинформ-Талбури», 1999. – С. 290–307.

17. Карпов, Б. Кровавая жатва войны / Б. Карпов // Труд. – 1994. – 22 декабря.
18. Коршунов, О. Черный снег Грозного. Ч. 1. / О. Коршунов. – Москва: Филинь, 2020. – 267 с.
19. Куликов, А. С. Тяжелые звезды / А. С. Куликов. – Москва: Изд. «Война и мир букс», 2002. – 568 с.
20. Леонтьева, Л. Когда у соседей война / Л. Леонтьева // Литературная газета. – 1994. – 21 декабря.
21. Леонтьева, Л. Под бомбами. / Л. Леонтьева // Литературная газета. – 1994. – 28 декабря.
22. Морковкин, А. Лицо войны / А. Морковкин // Эхо планеты. – 1995. - № 3. С. 7–10.
23. Мостовщиков, С. Странная война / С. Мостовщиков, А. Желудков // Известия. – 1994. – 27 декабря.
24. Натыкин, В. Здесь воюют даже мальчишки / В. Натыкин // Труд. – 1994. – 14 декабря.
25. Натыкин, В. Кровавые восходы / В. Натыкин // Труд. – 1994. – 16 декабря.
26. Натыкин, В. От журналистов отбивались, как умели / В. Натыкин // Труд. – 1994. – 20 декабря.
27. Павлов, А. Лишь новогоднее чудо может остановить эту войну / А. Павлов // Комсомольская правда. – 1994. – 28 декабря.
28. Персиянов, В. Свидетельские показания / В. Персиянов // Огонек. – 1994. – № 50–51. – С. 7.
29. Прасолов, А. Чечня: интервью из танка / А. Прасолов // Аргументы и факты. – 1994. – № 50.
30. Прасолов, А. Быт солдата / А. Прасолов // Аргументы и факты. – 1994. – № 51.
31. Руждзинский, Я. Раз увидеть... / Я. Руждзинский // Новое время. – 1994. – № 51. – С. 8–10.
32. Руждзинский, Я. Тост зоотехника / Я. Руждзинский // Новая Польша. – 2013. – № 1. – С. 36–40.
33. Солдаты не знали, зачем их послали в Чечню – считает председатель Комитета по организации работы Госдумы Владимир Бауэр, побывавший в Чечне и Ингушетии во главе думской наблюдательной комиссии // Литературная газета. – 1994. – 21 декабря.
34. Тумаков, Д. В. Начало первой чеченской войны 1994–1996 гг. в освещении российской официальной печати / Д. В. Тумаков. // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы международной научной конференции: в 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 года / под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021. – С. 592–600.
35. Холодное эхо бомбежек // Труд. – 1994. – 8 декабря.
36. Хохлов, А. Истину знают танки? / А. Хохлов // Комсомольская правда. – 1994. – 14 декабря.
37. Яков, В. Большие маневры анонимных полководцев / В. Яков // Известия. – 1994. – 16 декабря.

Тумаков Денис Васильевич – к.и.н., доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет (г. Ярославль, Россия), denistumakov@yandex.ru

MILITARY OPERATIONS IN CHECHNYA AT THE END OF 1994 THROUGH THE EYES OF THE RUSSIAN PRESS

Tumakov D. V.

The article is devoted to the description of the first weeks of the Chechen war in 1994–1996, in the presentation of the largest Russian periodicals. It covers clashes between Russian troops and Chechen militants, as well as everyday life in Grozny at this time. Attention is paid to the moral and psychological state of the Armed Forces of Russia on the Chechen front. The author draws conclusions about the comprehensive approach of the central media to the coverage of military operations, as well as about the complex relationship between journalists and Russian military personnel. The result was the defeat of federal troops in the information war.

Keywords: Northern Caucasus, Chechnya, the First Chechen campaign, Russia, war, press, separatism, army.

References

1. *Alyokhin, G. T.* Po tu storonu chechenskoj vojny [Beyond the Chechen War]. Moscow: Veche, 2017. 304 p. (In Russ.)
2. *Astashkin, N. S.* Po volchyemu sledu. Khroniki chechenskyh vojn [On the wolf trail. Chronicles of the Chechen Wars]. Moscow: Veche, 2005. 416 p. (In Russ.)
3. *Belykh, V., Burbyga, N.* Vojskam meshayut boeviki I plokhaja pogoda [Troops are hampered by militants and bad weather]. *Izvestia*. 1994. December 21. (In Russ.)
4. *Blotsky, O.* Na vojne kak na vojne [In war as in war]. *Literaturnaja gazeta*. 1994. December 28. (In Russ.)
5. *Burbyga, N., Belykh, V.* Grozny v tankovykh pricelakh [Grozny in tank sights]. *Izvestia*. 1994. December 20. (In Russ.)
6. *Velengurin, V., Babich, D.* Idyot chechenskaja vojna [The Chechen war is underway]. *Komsomolskaja pravda*. 1994. December 16–19. (In Russ.)
7. 80-letnyja starushka kak strategicheskij obyekt [80-year-old old woman as a strategic object]. *Literaturnaja gazeta*. 1994. December 28. (In Russ.)
8. *Gritchin, N.* Grozny sobiraet vsyo cto mozhet strelyat I vzryvatsya [Grozny collects everything that can shoot and explode]. *Izvestia*. 1994. December 15. (In Russ.)
9. *Gritchin, N.* Groznoje nebo [Menacing sky]. *Izvestia*. 1994. December 16. (In Russ.)
10. *Gritchin, N.* Kogda istekal srok ultimatum [When the ultimatum expired]. *Izvestia*. 1994. December 20. (In Russ.)
11. Grozny. Novogodnyj shturm ot pervogo litsa [Grozny. New Year's Storm in the First Person]. *Novaya gazeta*. 2022. January 22. (In Russ.)
12. *Dubnov, V.* Tsenu mira sprosi u plennykh... [Ask the prisoners for the price of peace...]. *Novoye vremya*. 1994. №50. P. 11. (In Russ.)
13. *Yevtushenko, A.* Poslednije nadezhdy razdavleny tankami [Last Hope Crushed by Tanks]. *Komsomolskaja pravda*. 1994. December 20. (In Russ.)
14. *Yevtushenko, A.* Bombyozhka Groznogo: prelyudia k shturmu? [The Bombing of Grozny: A Prelude to the Assault?]. *Komsomolskaja pravda*. 1994. December 23–26. (In Russ.)
15. *Yemchenko, F.* Zhdali tretij den... [We waited for the third day...]. *Trud*. 1994. December 14. (In Russ.)
16. *Zarakhovich, Y.* Chechenskaya vojna glazami zhurnalistov amerikanskikh izdaniy (1993–1996 gg.) [The Chechen War through the Eyes of Journalists of American Publications (1993–1996)]. *Chechnya I Rossiya: obshchestva I gosudarstva*. Moscow: Polinform-Talbury, 1999. P. 290–307. (In Russ.)
17. *Karpov, B.* Krovavaya zhatva vojny [The Bloody Harvest of War]. *Trud*. 1994. December 22. (In Russ.)
18. *Korshunov, O.* Chernyj sneg Groznogo. Ch. 1 [Black snow of Grozny. P. 1.]. Moscow: Filin, 2020. 267 p. (In Russ.)
19. *Kulikov, A. S.* Tyzhelyje zvezdy [Heavy Stars]. Moscow: Voyna I mir books, 2002. – 568 p. (In Russ.)
20. *Leontieva, L.* Kogda u sosedej vojna [When Neighbors Have War]. *Literaturnaja gazeta*. 1994. December 21. (In Russ.)
21. *Leontieva, L.* Pod bombami [Under the Bombs]. *Literaturnaja gazeta*. 1994. December 28. (In Russ.)
22. *Morkovkin, A.* Litso vojny [The Face of War]. *Ekho planety*. 1995. №3. P. 7–10 (In Russ)
23. *Mostovshikov, S., Zheludkov, A.* Strannaja vojna [Strange War]. *Izvestia*. 1994. December 27. (In Russ.)
24. *Natykin, V.* Zdes voyuyut dazhe malchishki [Even boys fight here]. *Trud*. 1994. December 14. (In Russ.)
25. *Natykin, V.* Krovavyje vskhody [Bloody shoots]. *Trud*. 1994. December 16. (In Russ.)
26. *Natykin, V.* Ot zhurnalistov otbivalis kak umeli [Journalists were fought back as best they could]. *Trud*. 1994. December 20. (In Russ.)
27. *Pavlov, A.* Lish novogodnee chudo mozhet ostanovit etu vojnu [Only a New Year's miracle can stop this war]. *Komsomolskaja pravda*. 1994. December 28. (In Russ.)
28. *Persyanov, V.* Svidetelskije pokazaniya [Testimony]. *Ogonyok*. 1994. №50-51. P. 7. (In Russ.)
29. *Prasolov, A.* Chechnya: interview iz tanka [Chechnya: an interview from a tank]. *Argumenty I fakty*. 1994. №50. (In Russ.)
30. *Prasolov, A.* Byt soldata [Life of a soldier]. *Argumenty I fakty*. 1994. №51. (In Russ.)
31. *Ruzdzhynsky, J.* Raz uvidet... [Once you can see...]. *Novoye vremya*. 1994. №51. P. 8–10. (In Russ.)

32. *Ruzdzhynsky, J.* Tost zootekhnika [Toast zootechnics]. Novaya Polsha. 2013. №1. P. 36–40. (In Russ.)
33. *Soldaty ne znali zachem ih poslali v Chechnyu, schitaet predsdatel Komiteta po organizacii raboty Gosdumy Vladimir Bauer, pobывавший v Chechne i Ingushetii vo glave dumskoj nabliudatelnoj komissii* [The soldiers did not know why they were sent to Chechnya, says Vladimir Bauer, chairman of the State Duma Committee for the Organization of Work, who visited Chechnya and Ingushetia at the head of the Duma supervisory commission]. Literaturnaja gazeta. 1994. December 21. (In Russ.)
34. *Tumakov, D.V.* Nachalo pervoj checenskoj vojny 1994–1996 v osveschenii rossijskoj oficialnoj pečati [The beginning of the first Chechen war in 1994–1996 in coverage of the Russian official press]. Istoricheskij put Rossii: iz proshlogo v budushee. Saint-Petersburg: SPBGUPTD, 2021. P. 592–600. (In Russ.)
35. *Holodnoe echo bombyozhek* [Cold Echo of Bombing]. Trud. 1994. December 8. (In Russ.)
36. *Khokhlov, A.* Istinu znayut tanki? [Do tanks know the truth?]. Komsomolskaja pravda. 1994. December 14. (In Russ.)
37. *Yakov, V.* Bolshie manevery anonimnykh polkovodcev [Great maneuvers of anonymous generals]. Izvestia. 1994. December 16. (In Russ.)

Tumakov Denis Vasilevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical University (Yaroslavl, Russia), denis-tumakov@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Тумаков, Д. В. Военные действия в Чечне в конце 1994 г. глазами российской печати / Д. В. Тумаков // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – №2(2). – С. 26–35.

FOR CITATION:

Tumakov D. V. Voennyje dejstvija v Chechne v kontse 1994 g. glazamy rossijskoj pečati [Military operations in Chechnya at the end of 1994 through the eyes of the Russian press]. Socio-humanitarian communications [Sociogumanitarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 26–35.